

Человеческое, слишком человеческое¹ Human, toohuman

В статье критически оценивается возможность создания справедливого общества без насилия и взаимоуничтожения.

Ключевые слова: человечество, насилие, взаимоуничтожение, омницид

Яков Гишинский

доктор юридических наук, профессор СПб юридического института Университета Генеральной прокуратуры, зав. кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета

*История человечества —
история зла на Земле.
В. Швобель*

*Вся история человечества —
одно сплошное преступление.
А. Макаревич*

*Человек отличается от животных
именно тем, что он убийца.
Э. Фромм*

Предисловие

Сразу оговорюсь: я люблю Жизнь, Творчество, Искусство, Путешествия. И, конечно, мою Наташу. Да и морепродукты, и коньяк... Я знаю немало умных, порядочных, доброжелательных людей. У меня хорошие дети-внуки. Но все это не мешает мне думать о Человечестве. И чем дальше (чем ближе к Концу), тем с большим отвращением... Об этом — многие мои публикации². Предлагаемые рассуждения — лишь очередная попытка более или менее прояснить, — прежде всего, для себя, — **что же это за напасть такая на Земле, готовая уничтожить все живое на ней?!**

Между историей и социологией

Представителям животного мира Земли присуща агрессия, как средство выживания, «борьбы за существование». Агрессия животных инструментальна: за самосохранение, за пищу, борьба за самку, защита детенышей и т.п. Первобытный человек сохраняет эту агрессивность, но уже начинается отход от чистой инструментальности. Иначе почему археологи обнаруживают массовые останки людей с черепами, расколотыми первобытными орудиями?³ Обороняться от хищных зверей — да, бороться за самку (простите, женщину) — да, опасаться представителей соседних племен — да. Но зачем же их убивать «просто так, для интереса»? Вот так начался переход от *агрессии* животных к *человеческому насилию*.

Если *агрессия* — средство «борьбы за существование», выживание, то социальное *насилие*, присущее только человеку, — есть средство «сверхборьбы» за «сверхсуществование» (лучшее, комфортное, богатое, привилегированное существование).

От первобытного человека к рабовладению, далее к феода-

лизму и капитализму, «социализму» — путь возрастания *возможностей и средств* социального насилия: от первобытного топора к стрелам — мушкетам — пистолетам — танкам и самолетам — атомному оружию... Наконец-то человечество от сотен — тысяч — миллионов жертв войны готово перейти к тотальному самоуничтожению (омнициду)⁴...

Очень важно понять истоки, механизм социального насилия. Очевидно, человек, получивший в процессе исторического становления и развития возможность улучшать свое земное существование — «вкуснее» и разнообразнее питаться; теплее и «красивее» одеваться; жить все в лучшем, все более удобном жилище; владеть все большим количеством рабов/слуг/подчиненных и т.п. — будет все активнее, все яростнее, все «насильственнее» сражаться за сохранение добытых благ и приобретение благ все новых и новых. Позднее это будет осмысленно как «денег много не бывает»... Но и этого мало: «у соседа сдохла кобыла, казалось бы, какое мое дело? А все-таки приятно»... «Быть как все», «быть лучше, чем они» — не только сегодняшние «лозунги», а передающиеся из поколения в поколение. «Зарождение дифференцированного потребления вообще датируется более ранним временем, чем появление чего-либо, что можно было бы безусловно назвать денежной силой. Такое потребление восходит к начальной фазе хищнической культуры»⁵.

Подробнее о капитализме / социализме

Формирование капиталистических общественных отношений явилось безусловным шагом вперед по сравнению с рабовладением/феодализмом. Но что значит «вперед»? Где критерий позитивного развития? И здесь, как во всем, возможны различные точки зрения. Я исхожу из того, что *высшими ценностями человека являются его Жизнь и Свобода*. В том числе, продолжительность жизни и здоровье человека и все большая свобода от природных и социальных ограничений.

По сравнению с предыдущими формациями (кто не согласен с вышеприведенной классификацией — предложите любую другую) *капитализм* является прогрессом и в части лучшего обеспечения здоровья и продолжительности жизни, и в плане повышения степени свободы.

Очень интересно произошло с *социализмом*. Теоретически — это дальнейший шаг вперед — ко все большей свободе. «Весь мир насилия мы разрушим... Кто был никем, тот станет всем». Практически, на примере «социалистических» стран, включая СССР, — шаг назад (или в сторону). Да, был вполне продвину-

¹ Nietzsche F. Menschliches, Allzumenschliches. Ein Buch für freie Geister. — Chemnitz: Verlag von Ernst Schmeltzer, 1868.

² Только из последних: Гишинский Я. Социальное насилие. 2-е изд. — СПб: Алетея, 2017; Он же. Девиантность в обществе постмодерна. — СПб: Алетея, 2017; Он же. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна. Сборник статей. — СПб: Алетея, 2017 (особенно: Онтологический трагизм бытия..., 1995; Капитализм или социализм? Оба хуже, 2016; Что день грядущий нам готовит? 2016).

³ См. подробнее: Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. — М.: Мысль, 1974; Он же. Контрстугестия и история. В: История и психология / ред. Б.Ф. Поршнев, Л.П. Анцыферова. — М.: Наука, 1971. С. 7-35.

⁴ "Омницид-поголовное истребление всего живого. Человек-устроивший омницид-Апокалиптический маньяк — персонаж, страстно желающий устроить конец света. Он хочет убить их всех, и, что важно, может убить их всех" (<http://ru.zlodei.wikia.com/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F%D0%9E%D0%BC%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B4>)

⁵ Веблен Т. Теория праздного класса. — М.: Прогресс, 1984. С. 108.

тый «шведский социализм», но и он продолжался недолго. И вот здесь-то может и «зарыта собака» в деле понимания природы человека. Ведь социализм предполагает всеобщее равенство (ура, свобода!), всеобщий труд во благо всех. А вот трудиться не исключительно для себя, а для всех — зачем усердствовать? И «социализм» стал резко уступать «капитализму» в развитии производства, технологий. Да, в саморазвенчании социализма в значительной степени виновато то, где он стал реализовываться. Отсталая во всех отношениях Россия была не лучшим полигоном апробирования новой формации... Но нигде и никогда действительно очень соблазнительные принципы социализма не будут реализованы. Нигде и никогда люди *enmasse* не будут самозабвенно трудиться на общее благо... Да, есть альтруизм, самопожертвование у людей (и у животных!), но это отдельные проявления, не меняющие общей картины эгоизма и конкуренции.

Ну, а как развивался и развивается капитализм?

Становление капиталистических общественных отношений, капиталистической свободной экономики, основанной на принципе *laissez-faire*, явилось мощным стимулом развития промышленности, экономики, технологий. Промышленные революции следовали одна за другой, венцом коих явилась нынешняя Четвертая. Но, как все на свете (не забывайте принцип Инь-Ян!), бурное позитивное развитие влекло негативные последствия, которые со временем все больше омрачали радость прогресса. И если во времена К. Маркса, Ф. Энгельса это были противоречия между трудом и капиталом, между рабочими и капиталистами, то к обществу постмодерна (с 1960-1980-х годов) классовые различия и классовые противоречия *step-by-step* сменились расколом человечества и населения каждой страны на *включенных (included)* в активную экономическую, политическую, культурную жизнь и фактически *исключенных (excluded)* из экономической, политической, культурной жизни. Я много писал и публиковал об этом⁶, поэтому повторюсь кратко.

Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (*inclusive/exclusive*). Понятие «исключение» (*exclusion*) появилось во французской социологии в середине 1960-х как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими⁷.

Работа Рене Ленуара показала, что «исключение» приобретает характер *не индивидуальной неудачи*, непригодности некоторых индивидов («исключенных»), а *социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества*, затрагивая все большее количество людей⁸. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности. Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «рост благосостояния не элиминиру-

ет униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может, в конечном счете, породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности»⁹.

Рост числа «исключенных» как следствие глобализации активно обсуждается З. Бауманом. С его точки зрения, исключенные оказываются «человеческими отходами (отбросами)» (*wasted life*), не нужными современному обществу. Они являются неизбежным побочным продуктом экономического развития, а глобализация служит генератором «человеческих отходов»¹⁰.

Один из крупнейших современных социологов И. Валлерстайн полагает, что мир разделен на «центр» и «периферию», между которыми существует неизменный антагонизм. При этом государства вообще теряют легитимность, поскольку либеральная программа улучшения мира обнаружила свою несостоятельность в глазах подавляющей массы населения Земли¹¹. В другой работе он приходит к убеждению, что *капиталистический мир вступил в свой терминальный, системный кризис*¹².

О катастрофических последствиях страшного экономического неравенства пишет Лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц¹³.

Все основательнее вырисовываются *два лица* свободной экономики, свободных рыночных отношений¹⁴.

С одной стороны — безусловный экономический рост; повышение уровня жизни и расширение возможностей «включенных» жителей развитых стран Европы и Северной Америки, Австралии и Юго-Восточной Азии; фантастическое развитие техники и новейших технологий.

С другой стороны — растущее социальное и экономическое неравенство; экономические преступления; формирование организованной преступности, как криминального предпринимательства; все возрастающий удельный вес теневой («серой», «неформальной», «второй», «скрытой», «подпольной») экономики; растущее недовольство большинства населения господствующим в политике и экономике меньшинством и др.

Особенно задуматься над «Новым миром» заставляют труды С. Жижке¹⁵. В «Размышлениях в красном цвете» (намека на коммунистическую доктрину), он демонстрирует фактически завершённый раскол мира на два полюса: *новый глобальный класс* — замкнутый круг «включенных», успешных, богатых, всемогущих, создающих «собственный жизненный мир для решения своей герменевтической проблемы» (с.6) и — большинство «исключенных», не имеющих никаких шансов «подняться» до этих новых «глобальных граждан».

При этом оба мира неразрывно связаны между собой. Точно так же, как «пороки» капиталистических отношений с их «достоинствами»: «Парадокс капитализма заключается в том, что невозможно выплеснуть грязную воду финансовых спекуляций и при этом сохранить здорового ребенка реальной экономики: грязная вода на самом деле составляет «кровеносную

⁶ См., например: Гилинский Я. "Исключенность" как глобальная проблема и социальная база преступности наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. №6. С.69-77.

⁷ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.П. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999. С. 140-156.

⁸ Lenoir R. *Les exclus, les infrançais, les exilés*. — Paris: Seuil, 1974.

⁹ Погам С. Указ. соч. С.147.

¹⁰ Bauman Z. *Wasted lives. Modernity and its outcasts*. — Cambridge: Polity Press, 2004. Pp. 5-7.

¹¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. — М., 2003.

¹² Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the World system // *International Sociology*. 2000. Vol.15, N3.

¹³ Стиглиц Дж. Цена неравенства. — М.: Эксмо, 2015.

¹⁴ Гилинский Я.И. Два лица экономической свободы. В: Экономическая свобода и государство: друзья или враги. — СПб: Леонтьевский центр, 2012. С. 58-75.

¹⁵ Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. — М., 2008; Он же. О насилии. — М., 2010; Он же. Размышления в красном цвете. — М., 2011.

систему» здорового ребенка» (с.19). Поэтому (и не только) — «даже во время разрушительного кризиса никакой альтернативы капитализму нет» (с.21).

В результате автором предлагается «расширенное понятие кризиса как глобального апокалиптического тупика, в который мы зашли» (с.8).

Можно, конечно, отмахнуться от трудов С. Жижика и иже с ним, но как пренебречь современными реалиями: растущим и принимающим катастрофические масштабы социально-экономическим неравенством, миллионами «исключенных», и соответствующей реакцией, начиная от «цветных революций» и «арабской весны» до массового летне-осеннего движения 2011 г. — *OccupyWallStreet* («Захватить Уолл-Стрит» — движение поддерживают от 40% до 60% американцев!), перекинувшегося на Великобританию, Италию, Испанию и ряд других европейских государств, а также Японию, Корею, Австралию. В развитом капиталистическом обществе все большему числу людей угрожает маргинализация на рынке труда, полное исключение возможностей найти работу и общественная изоляция¹⁶. Происходит размывание *middleclass* — основы и опоры капитализма... В результате мы имеем сверх разбогатевший олигархат, размываемый *middleclass*, и огромные массы «исключенных», влачащих жалкое существование. Докапитализировались...

О проблемах дилеммы либертарианство/этатизм размышляют российские экономисты¹⁷.

А в России? По различным данным, сегодня в России не менее 60-80% населения — «исключенные». А недавно в СМИ появилась их новая (по — моему, не удачная) характеристика — «гетто». У находящихся в нем людей отсутствуют и солидарность, и ответственность, и надежда как-то выйти из тяжелой жизненной ситуации¹⁸. Безнадежность — имя им... Напомним, если в 2016 г. в мире 1% населения владел 52% всех богатств, то в том же году 1% населения России владел 72,4% всех богатств — первое место в мире по экономическому неравенству (на втором месте — Индия)!

Одна из важнейших, глобальных, неразрешимых проблем — «невозможность для мировой хозяйственной системы справиться с проблемой справедливого распределения достигнутого благосостояния»¹⁹.

Не удивительно, что именно исключенные составляют основную социальную базу преступности, наркотизма, пьянства, проституции, суицида.

Либеральная, неолиберальная идеология (и практика, реальность!) оказывается столь же утопической, сколь утопическими были многочисленные разновидности социалистической (коммунистической) идеологии.

Иначе и быть не может: утопий было немало. Но что-то ни одна из них не реализовалась. И реализоваться в принципе не могла — **род человеческий не допустит свободы, равенства и братства!** Или, как пишет А.И. Пригожин, «Справедливость на Земле невозможна. Хотя бы потому, что она очень партийна. То, что справедливо для одних, ужасно несправедливо для других»²⁰.

Что дальше?

Сегодня более-менее объективный прогноз принципиально невозможен. Наша эпоха постмодерна характеризуется, помимо прочего, *неопределенностью*²¹. «Постмодернизм — это признание онтологической и гносеологической неопределенности социального мира, это проблематизация социальной реальности, которая интерсубъективна, стохастична, зависит от значений, которые ей приписываются, это относительность знаний о любом социальном явлении и процессе...»²². Неопределенность, вообще присущая социальному миру, в эпоху постмодерна является следствием нашего нахождения в растянувшейся «точке» бифуркации, когда направление дальнейшего развития принципиально непредсказуемо. Любой прогноз от «всеобщего счастья» до апокалипсиса, омницида (или сингулярности²³) равно относителен и неопределен.

Очевидно, возможны два варианта для человечества. *Первый*, менее вероятный — человечество выживет, пройдя тяжелейший в истории период постмодерна. Причем выживет, возможно, достигнув невиданных успехов в своем генетически-технологическом развитии. *Второй*, более вероятный, учитывая тяжелое прошлое — человечество погибнет в результате омницида — ядерного, или экологического, или космологического, или... «Ядерный пепел» становится все большей реальностью. Тем более, что и «правые», и «левые» жаждут насильем изменить мир, построить его «по-своему», т.е. очередное «светлое будущее»... Начавшаяся гонка вооружения — теперь опасного для всего человечества — усиливает вероятность пессимистического прогноза.

Остается только удивляться: как НомоякобыSapiens, достигнув немислимых экономических, технологических, научных высот, постоянно стремится к самоуничтожению. Как люди, испытавшие лично или через предков все ужасы войны, вновь и вновь охвачены военным психозом, видят кругом врагов, которые не подозревают, что они — «враги», но в свою очередь вынуждены крепить оборону от вооружающихся соседей.

Если человечество жаждет все новых и новых войн до «полной победы», если обезумевшие вожди стремятся к «победам», а презираемые властью и «народом» пацифисты, вроде меня, не в состоянии сплотиться и вышвырнуть таких вождей и их прихвостней на свалку, то мне не жалко самоуничтожающееся человечество. Мне безумно жаль невинных животных, которые будут уничтожены в ядерном безумии людей.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. — М., 2003.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. — М.: Прогресс, 1984.
3. Гилинский Я. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. №6.
4. Гилинский Я.И. Два лица экономической свободы. В: Экономическая свобода и государство: друзья или враги. — СПб: Леонтьевский центр, 2012.

¹⁶ Althoff M., Cremer-Schafer H., Loschper G., Reinke H., Smaus G. Integration und Ausschliessung: Kriminalpolitik und Kriminalität in Zeitengesellschaftlicher Transformation. — Baden-Baden, 2001. S. 29.

¹⁷ Экономическая свобода и государство: друзья или враги. — СПб: Леонтьевский центр, 2012; Социальный либерализм: между свободой и этатизмом. СПб: Леонтьевский центр, 2015.

¹⁸ Независимая Газета, 06.04.2011.

¹⁹ Луман Н. Дифференциация. — М.: Логос, 2006. С.234.

²⁰ Пригожин А.И. Законность — базовая ценность социального либерализма. В: Социальный либерализм: между свободой и этатизмом. — СПб, 2015. С. 108.

²¹ Подробнее об обществе постмодерна см.: Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. — СПб: Алетейя, 2017.

²² Честнов И.Л. Постмодернизм как вызов юриспруденции // Общество и человек, 2014, №4 (10). С. 47-48.

²³ Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. — NY: PG, 2005; Rees M.J. Our Final Century: Will the Human Race Survive the Twenty first Century? — NY: Basic Books, 2003.

5. Гилинский Я. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна. Сборник статей. — СПб: Алетея, 2017.
6. Гилинский Я. Социальное насилие. 2-е изд. — СПб: Алетея, 2017.
7. Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. — СПб: Алетея, 2017.
8. Жижек С. Размышления в красном цвете. — М., 2011.
9. Жижек С. О насилии. — М., 2010.
10. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. — М., 2008.
11. Луман Н. Дифференциация. — М.: Логос, 2006.
12. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.П. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999.
13. Поршнев Б.Ф. Контрстгестия и история. В: История и психология / ред. Б.Ф. Поршнев, Л.П. Анцыферова. — М.: Наука, 1971.
14. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. — М.: Мысль, 1974.
15. Пригожин А.И. Законность — базовая ценность социального либерализма. В: Социальный либерализм: между свободой и эгатизмом. — СПб: Леонтьевский центр, 2015.
16. Социальный либерализм: между свободой и эгатизмом. — СПб: Леонтьевский центр, 2015.
17. Стиглиц Дж. Цена неравенства. — М.: Эксмо, 2015.
18. Честнов И.Л. Постмодернизм как вызов юриспруденции // Общество и человек, 2014, №4 (10).
19. Экономическая свобода и государство: друзья или враги. — СПб: Леонтьевский центр, 2012.
20. Althoff M., Cremer-Sch?fer H., L?schper G., Reinke H., Smaus G. Integration und Ausschliessung: Kriminalpolitik und Kriminalit?t in Zeitengesellschaftlicher Transformation. — Baden-Baden, 2001.
21. Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. — Cambridge: Polity Press, 2004.
22. Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. — NY: PG, 2005.
23. Lenoir R. Les exclus, un fran?ais sur dix. — Paris: Seuil, 1974.
24. Nietzsche FMenschliches, Allzumenschliches: Ein Buch f?r freie Geister. — Chemnitz: Verlag von Ernst Schmeltzner, 1868.
25. Rees M.J. Our Final Century: Will the Human Race Survive the Twenty first Century? — NY: Basic Books, 2003.
26. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the World system // International Sociology. 2000, Vol.15, N3.